Пурпур пенился вокруг него в вихре фракталов, привычная боль поприветствовала его как старого друга. Вскоре стало очевидно, что что-то пошло не так. Здоровенная дыра пробила самую сущность Пурпура; отверстие, что вело далеко наружу, за ним виднелась лишь всепоглощающая тьма.

Сильный ветер словно выжигал вихри Пурпура, замораживая поломанные кости Джоффри, замедляя скорость мышления, так будто ледяные порывы ветра обдирали заживо саму его душу.

Джоффри закричал бессловесным криком, пока потоки холода обдували его, и начал терять рассудок, чувствуя будто его «я» начинает растворяться. Боль была хуже любой агонии, которую мог причинить Пурпур, как бы жестоко это ни было, Пурпур не стремился испарить его холодными ветрами. Он увидел порванные края той сущности, своего привычного проклятья, что лопотали вокруг той дыры, как обычные куски ткани на сквозняке из открытого окна.

Джоффри уже давно смирился с окончательным концом жизни. Он сделал свой выбор, принял все последствия. Он отказался жить словно испуганная крыса. И сказал «нет» мелодии отчаяния. Он сделал выбор — стоять до последнего вместе с братьями. И погибнуть вместе.

Это справедливо. Генерал должен умереть вместе со своими людьми. Подумал он с грустной улыбкой, несмотря на нестерпимую боль. Пока его сознание медленно растворялось в пустоте, Джоффри последний раз посмотрел вокруг, оценивая невероятную обширность и сложность запутанной структуры, названной им Пурпуром.

Он подумал, что это самое грандиозное произведение искусства, когда-либо виденное человеком.

Он разглядывал непонятный танец векторов и фракталов, многомерных фигур, которые даже самые опытные архимейстеры геометрии не смогли бы вычислить, или вообще понять, вдруг ледяной ветер заставил его опустить глаза и боль немного уменьшилась.

Это уже почти конец…

Он увидел нечто странное на грани поля зрения… обрывки Пурпура на краях дыры, извивающиеся, растущие и уменьшающиеся одновременно. Они растягивались до бесконечности на секунду, а потом сразу возвращались к почти прежней длинне, но чуть дальше от начальной позиции. Пока они продвигались сквозь разрывающую черноту, Джоффри пришел к поразительному выводу.

Пурпур… каким-то образом восстанавливает сам себя.

Коварные жгутики Пурпура снова начали подтягиваться к нему; большинство сдувал в сторону тот Ледяной Ветер, но части из них удалось достичь цели, и такая знакомая, почти родная боль начала возвращаться.

Генерал должен погибнуть вместе со своими людьми… подумал Джоффри, слегка сопротивлясь

их присоединению к костям, нет, к самой душе, желая только, чтобы всё это наконец закончилось навсегда.

Хороший день для смерти, прошептал один из воинов вблизи него за мгновение до того, как строй легионеров ударил по отряду Ходоков.

Пурпур и Ледяной Ветер дрались за его душу — в течение секунды или может и вечности, трудно сказать — когда дыра в самой структуре Пурпура постепенно затягивалась сама собой, уменьшая интенсивность Ветра, который словно начал терять силу.

Джоффри как-то мог чувствовать уколы боли и невероятный холод от того процесса ремонта, когда боль вдруг стала невыносимой и все вокруг затянуло белой пеленой.

Он внезапно очнулся посреди заснеженного помещения; карикатуры на его старые покои в Красном Замке. Казалось, что лед покрывает все доступные поверхности, и он почувствовал, как конечности теряют чувствительность через душераздирающие укусы мороза.

Так, кажется, что я попал в ад, где белые Ходоки держат души своих рабов. Подумал он, несколько удивленный такой перспективой.

А я считал, что боль в конечном итоге исчезнет, подумал он и поднялся из замороженной кровати и взял свой старый, слишком сильно декорированный кинжал со стола.

Легионер всегда должен быть при оружии, подумал он удовлетворенно от воспоминания, не имея сил сдержать дрожь, еле передвигая ноги, ступни словно горели от ледяного пола.

Если боль от холода должна была служить некой своеобразной формой наказания в этом посмертии, то это его никак не впечатлило. Важнее было другое — он не знал, где оказался… но он до сих пор был самим собой. Джоффри.

С этой вдохновляющей мыслью он продвигался сквозь лед и снег, держа кинжал в левой руке. Полу-забытые воспоминания начали выныривать из глубин памяти, пока он двигался по столь знакомой комнате; каждый следующий шаг давался все труднее, словно холод постепенно вытягивал последние остатки жизни из тела.

Он ударил по двери несколько раз, вдруг они сами по себе распахнулись. Джоффри сделал еще один небольшой шаг, чувствуя необычную легкость в теле, как будто он постепенно взмывал вверх с каждым следующим шагом.

— Хороший день для смерти… — прошептал он, слегка улыбаясь ослепительному солнечному сиянию за теми дверями.

Джоффри начал падать на пол, силы таяли словно снежок под струей воды. Свет что-то сказал, унося его прочь, каким-то образом прогоняя холод.

— Наблюдатели… звезд… и … их… бдение… — бормотал он, снова оказавшись на полу. Юноша тяжело моргал, когда свет, казалось, отступил, постепенно превращаясь в очень знакомый силуэт.

— С… Са… Сандор.? — пробормотал он смущенно.

Ну конечно, он тоже здесь.

Что можно сказать кому-то, кого ты так сильно подвел?

Джоффри через силу вспоминал такой знакомый язык Семи Королевств, смакуя слова, которые так давно не произносил:

— Я… прости меня… — произнес он, когда неожиданная темнота полностью окутала его.

***

Джоффри слабо шевелился, пытаясь сфокусироваться на чем-то слева от него. Оттуда исходило… тепло. Он услышал как там что-то гудело, время от времени потрескивало, когда благословенное тепло приходило с той стороны волнами, иногда почти обжигая левую щеку, а иногда едва ощутимо.

Джоффри обнаружил, что ему не хватает слов для описания того, как удобно он сейчас чувствовал. Ближе к концу осады в Крепости запасы дров почти закончились, и у него не было достаточно людей, чтобы делать быстрые вылазки за дровами…

Это было то, к чему его душа стремилась, спокойствие и тепло огня. Он мог бы наслаждаться этими двумя вещами в течение всей жизни… Но любопытство, как всегда, взяло верх.

Почему я вообще до сих пор могу думать… я уже должен был бы исчезнуть, как пыль на ветру… размышлял он.

Само понятие загробной жизни после смерти уже казалось абсурдным для Джоффри после всех тех жизней, кроме этой последней, которая была такой завершенной.

Перспектива вечного существования, с сохранением сознания посреди бесконечного пурпурного моря… даже при отсутствии боли… ужасала его в такой степени, что видимо никто из живых людей не мог бы этого вообще осознать.

То, что он увидел, каким-то парадоксальным образом только делало такую перспективу еще более странной. Он видел сущности, которые находились за пределами человеческого понимания. Исследовал бесконечность и невероятный масштаб ночного неба…

Видел послание и произведения искусства, оставленные силами, что могли мыслить категориями за пределами самого времени. Он видел… вещи, практически кристально чистые концепции невероятной сложности и могущества…

Джоффри имел сильные сомнения, что принятие и осознание человеческим умом всего этого может быть доступным жрецам и шаманам, которые трактовали это все в течение известной истории. Подумать только, чтобы такие сущности обращали внимание на верования и поклонения от таких ничтожно маленьких существ…

И все же, он был здесь. Где бы здесь ни было…

Джоффри вяло пошевелился, борясь с тысячью паутинок, которые словно оплетали все его

косточки. Он смог повернуть голову набок, пытаясь раскрыть глаза, которые были как будто чем то приклеены.

Наконец это ему удалось, и он начал быстро моргать от яркого света пламени в камине. Прекрасное зрелище веселых огоньков заставило глаза немного прослезиться, пока в голове была буря эмоций, которые не поддавались описанию. Он медленно моргнул и почувствовал, как одинокая слеза медленно потекла по щеке, завороженно вглядываясь в красно-оранжевое пламя.

— Принц Джоффри? — неожиданно сказал кто-то с справа.

Джоффри медленно повернул голову на другую сторону того, что, как он понял, было кроватью. Очень мягкой, очень удобной, очень необычной кроватью.

Сбоку стоял Сандор, опираясь мечом об пол, как будто он стоял здесь на страже. Мужчина выглядел озабоченным, произнося что-то к кому-то за пределами поля зрения, но быстро обернулся к принцу. Джоффри попытался заговорить, но смог издать лишь тихий писк, словно звук сломанной флейты.

— Вот, выпей это, — сказал Сандор, осторожно помогая ему отхлебнуть воду из чаши, которую взял с невысокого столика возле кровати.

Джоффри пил маленькими глотками, делая паузы между ними. Он видел слишком много раз, как легионеры захлебывались и проливали воду от спешки.

— Сандор, — наконец смог произнести он,

— Ты тоже здесь… — добавил юноша, чувствуя себя немного более комфортно с каждым новым словом родного языка.

Переводчик:

То что происходит с Джоффри в следующих главах - это посттравматический синдром или посттравматического стрессовое расстройство, возникающее в результате единичного или повторяющихся событий, оказывающих сверхмощное негативное воздействие на психику человека.

Сандор просто поднял бровь, как всегда, когда чувствовал смущение:

— Не переживайте, принц Джоффри… — он запнулся, глядя на мокрые щеки парня,

— Грандмейстер говорит, что с вами все будет хорошо… — быстро добавил он ласковым голосом, словно пытаясь предварительно успокоить его, как малого ребенка… но это ему не удалось.

Джоффри едва слышал те слова, вглядываясь в лицо давнего напарника:

— Они до тебя добрались, насколько я понимаю… — прошептал он, прежде чем намек на улыбку появился на лице,

— Я не знаю, где мы оказались, старый друг… но все будет хорошо… пока мы все вместе… все будет хорошо… — прошептал он, неистово моргая, когда услышал отдаленные шаги и в комнату внезапно окутала тьма.

***

Состояние, в котором оказался Джоффри, было очень странным. Сумасшедшие видения вихтов, песчаных бурь и просторных, темных океанов часто менялись тихим уютом маленькой, хорошо прогретой комнаты, которой он ранее никогда не видел, и ее посетителями.

Иногда он задумывался, не лежит до сих пор на той замерзшей равнине, вспоминая частицы своих предыдущих жизней? В последний раз, перед крепкими объятиями белых Ходоков.

Тени прежних жизней часто навещали его. Сандор почти всегда присутствовал в той комнате, его привычная фигура служила успокаивающим средством для нервов Джоффри после бесконечных фракталов и перекошенных лиц культистов или белых Ходоков.

Грандмейстер Пицель был другим частым гостем в этом тихом чистилище, хотя старик выглядел несколько иначе, чем в воспоминаниях Джоффри. Выражение глаз казались более осторожным, даже настороженным. Однажды он даже увидел Тириона среди теней и света, но то было лишь мимолетное мгновение.

Как не странно, той тенью, что больше всего повлиял на него, была его мать. Она вошла в комнату сразу после того, как Джоффри переместился сюда, за мгновение до того прервав безнадежную битву с призрачными вихтами и оскалившимися шрайками.

–… Мама? — бездумно спросил он, когда она села в кресло возле кровати.

— Я здесь, милый, — сказала она, касаясь его волос с нежной улыбкой на устах, скрывая безграничное волнение. Горло Джоффри почти мгновенно что-то скрутило, грудная клетка дико расширилась, а из глаз потекли слезы.

— …Мама, — прошептал он, где-то находя остатки энергии подняться в постели и обнять ее со всех сил, и молча заплакал.

Несмотря на все прежние махинации и интриги, которыми она занималась… как будто тысячу лет назад, мать всегда любила его. Её тепло, ласковые нашептывания, крепкие объятия на дрожащем теле, они словно возвращали его в более простые, более приятные времена.

Она пахла теплым, безмятежным утром. Время, когда солнечный свет казался золотым, словно ярче.

Несмотря на все ее грехи, мать всегда любила его…

И он купался в той любви, в тепле, которого так отчаянно нуждался, почти забыв о этом ощущении. Даже если она была всего лишь тенью или галлюцинацией, Джоффри все равно максимально наслаждался ее присутствием в тот момент бесконечного покоя.

Пока дикие беспорядочные видения и воспоминания исчезали и его силы понемногу возвращались, он все чаще возвращался к этой комнате, медленно принимая невероятный

вывод.

–… Я… Я жив… — бормотал он с бесконечным унынием.

Джоффри словно онемел, когда Грандмейстер Пицель последний раз проверил его состояние и произнес вердикт — что состояние здоровья в норме, и они оба, мейстер и мать, наверное уже в сотый раз спросили его насчет того, что случилось. Старый мейстер допрашивал его, как никогда раньше, постоянно сверяясь с книгами и свитками, и бормотал сам себе. Пицель выглядел совершенно другим человеком.

Джоффри не мог избавиться от того неловкого чувства, что доминировало в его теле с момента, когда он достаточно пришел в себя, чтобы вспомнить все. Он чувствовал себя слабым, почти раздавленным. Минимальные упражнения, которые он выполнял чисто по привычке в комнате, невероятно истощали его, а тело чувствовалось неуклюжим и слабым.

Самым странным из всего была возможность снова видеть двумя глазами. Он часто ударялся о мебель, а иногда имел проблемы с определением расстояния до предметов на линии зрения.

Но физические неудобства, которые он испытывал, были пустяками по сравнению с тем, как он на самом деле себя чувствовал. Когда его впервые вывели из комнаты, Джоффри двигался почти как в тумане, слепо моргая к каждому встречному лицу или предмету.

Он знал, он чувствовал эмоционально, инстинктивно, интеллектуально…

Джоффри точно знал, что прежняя жизнь могла быть последней. Он содрогался от мыслей о неизбежной бездне, о самом масштабе значения… несуществования, небытия… и смирился с этим. Он нашел определенную суть в этом.

Но теперь это все куда-то исчезло. Его как-то спасли от загребущих, ледяных лап белых Ходоков, чтобы жить дальше, когда все его друзья и братья погибли, исчезли, превратились в вихтов… а точнее их воспоминания и сами сущности были стерты до нуля и заменены силой Пурпура.

Каждый раз, когда он вдыхал воздух, он словно насмехался над их жертвами. С каждым новым ударом сердца он предавал их веру, их доблесть и храбрость.

И теперь, это все начнется снова. Смертоносная, оглушительная тишина вечных снегопадов. Незаметное воскрешение мертвых. Мелодия отчаяния. Падение Человечества.

Долгая Ночь.

И даже смерть не освободит его от созерцания такого будущего… только потусторонние объятия белых Ходоков смогут остановить это.

Осознание этого всего было бы достаточно, чтобы свести с ума и значительно более сильных, чем он людей, или по крайней мере так ему казалось.

Все же, после мысли о возвращении в то благословенное состояние бессознательной кататонии в течение целых лет, что он пережил в начале своего пути… было очевидно, что это не сработает.

Поэтому он решил «продолжать службу», как он это делал в предыдущие годы, через баранью

упертость, сосредотачиваясь только на повседневной рутине.

Странность его бодрствования подчеркивалась окружающей обстановкой. Красный Замок одновременно выглядел, как старое, давно знакомое место, и как нечто новое.

Принца переполняло постоянное ощущение дежавю, когда он бродил по коридорам и комнатам, кухням и сторожевым башням. Основа его родного дома оставалась неизменной, но внутри разума Джоффри поселилось необычное, скрытое ощущение нереальности окружения.

Когда привычная ежедневная жизнь вернулось в Красный Замок, когда группы мейстеров и часовых перестали проверять его покои, и слуги перестали перешёптываться о его состоянии, зато перешли на обсуждение последних ссор между Робертом и Серсеей — тогда Джоффри внезапно обнаружил, что он, будто через силу, погрузился в свою старую жизнь.

Это все ощущалось как какая-то роль в ранее сыгранной пьесе, где реплики были прописаны одновременно причудливо и непонятно… а ещё в придачу текст был частично забыт.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

http://tl.rulate.ru/book/61076/1972459